

УДК 7.01

ПЕРЕХОД ОТ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА К ЦИФРОВОМУ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ: КЛЮЧЕВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Н. А. Гаршин, В. Л. Алиханова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июня 2022 г.

Аннотация: предметом исследования является концепт поворота в социально-гуманитарном знании. В частности, автор рассматривает, как происходит переход от визуального поворота к цифровому, какие изменения происходят в связи с этим переходом. Особое внимание уделяется искусству как феномену, на котором данный переход отразился достаточно заметно. Акцент делается на изобразительном искусстве как самом ярком трансляторе произошедших трансформаций. Объектом исследования являются те изменения, которые произошли в искусстве в результате перехода от визуального культурного поворота к цифровому. В качестве основного вывода проведенного исследования автор выявляет последствия перехода от визуального поворота к цифровому, отмечая их неоднозначность. Данный переход имеет собственную специфику и отличается от тех переходов, которые ранее происходили в культуре и науке, например, в результате смены лингвистического поворота визуальным. Автор отмечает, что одним из процессов, сопровождающих данный переход, был и есть процесс массовизации, который, несомненно, оказывает влияние на облик искусства в современных условиях, на все основные аспекты его существования. Произведение получает новые формы существования, трансляции, создания, а зритель – новые формы «потребления» искусства.

Ключевые слова: поворот, искусство, трансформация, переход, цифровое искусство, визуальный поворот, массовизация.

Abstract: the subject of the study is the concept of a turn in social and humanitarian knowledge. In particular, the author considers how the transition from a visual to a digital turn takes place, what changes occur in connection with this transition. Particular attention is paid to art, as a phenomenon on which this transition was reflected quite noticeably. The emphasis is on the fine arts as the most vivid translator of the transformations that have taken place. The object of the study is the changes that have taken place in art as a result of the transition from a visual cultural turn to a digital one. The main conclusions of the study are that the author reveals the consequences of the transition from a visual turn to a digital one, noting their ambiguity. This transition has its own specifics and differs from those transitions that have previously occurred in culture and science, for example, as a result of the change from a linguistic turn to a visual one. The author notes that one of the processes accompanying this transition was and is the process of massification, which undoubtedly has an impact on the appearance of art in modern conditions, on all the main aspects of its existence. The work receives new forms of existence, transmission, creation, and the viewer – new forms of «consumption» of art.

Key words: *turn, art, transformation, transition, digital art, visual turn, mas-sization.*

Современное социально-гуманитарное познание уже невозможно себе представить без идеи «поворота». Проблема поворота – одна из наиболее актуальных в рамках современной культурологической и социально-философской мысли. Это связано не только с тем, что он затрагивает изменения в самой «ткани» культуры и социальной реальности, но и с тем, как изменяется сам метод познания культуры, ее «схватывания» и интерпретации. Таким образом, «поворот» является во многом категорией эпистемологической, раскрывающей сущность взаимодействия субъекта познания с тем или иным видом искусства, способом его бытия в мире. Причем это касается не только и, возможно, не столько отдельного человека, но субъекта коллективного (класса, большой социальной группы). Особенно это актуально в случае определения и формирования неких культурных парадигм, принимаемых во многом конвенционально, научным сообществом. При этом эта парадигма начинает оказывать прямое воздействие и на способ существования произведения искусства в мире, следовательно, данная тема актуальна не только для узкой группы ученых, но и для всего общества в целом, поскольку искусство – важнейшая часть социального бытия человека. Именно поэтому мы избрали темой данной статьи проблему перехода от визуального «поворота» к цифровому. Важно осознать, какие причины лежат в основе цифровизации искусства и его познания, какие последствия этот процесс возымеет и возможен ли следующий «поворот».

Генезис концепта «поворот» тесно связан с развитием философского осмысления науки и культуры, а также гуманитарного познания в целом. Подобно тому, как в философии науки формируется переход к пост-неклассической науке и картине мира, в рамках философии культуры вызревает идея «поворота» как смены парадигмы познания искусства. Происходит понимание невозможности исключения субъективного начала даже из естественных наук, факт должен быть подготовлен нашим сознанием, а его понимание зависит, в том числе, и от нашей возможности верно его интерпретировать. Тем более заметна роль субъекта в социально-гуманитарных исследованиях. «Мир разнообразен, его можно по-разному описывать, видеть, раскрашивать» [1, р. 277], – писал аналитический философ Н. Гудмен, отмечая, что глаз при восприятии всегда определен нашим прошлым, опытом, переживаниями. Таким образом, рассчитывать на абсолютно чистый факт нам вовсе не приходится. Гудмен оказал значительно влияние на философию Р. Рорти, идеи которого мы рассмотрим ниже. Именно «поворот» в рамках социально-гуманитарных исследований показывает нам, какой именно способ восприятия, а вернее сказать, конструирования или репрезентации объекта наиболее актуален и востребован в тот или иной момент времени. Причем и субъект начинает восприниматься не как в классической философии – в виде некоего абсолютного, совершенного и абстрагированного от мира и, в на-

шем случае, искусства, духа, – а как вполне конкретный человек или сообщество. Важно понимать, что формирование идеи «поворота» было подготовлено предшествующей мыслью. Идеи эволюционизма, термодинамики оказали влияние на философию науки, которая, в свою очередь, дала почву для новых идей в осмыслении культуры и искусства.

Исторически первым среди «поворотов» традиционно выделяется лингвистический «поворот», отмеченный и исследованный Р. Рорти. Он отмечал, что аналитическая философия, исследующая язык, постоянно пытается найти связь между познающим и познаваемым, обнаружить роль и сущность языка как важнейшего посредника познания. Интерес к языку стал той точкой, которая направила изучение мира по новому пути. Уже практически в наши дни Р. Рорти сам указал на роль лингвистического «поворота» в развитии мысли: «Тем не менее лингвистический “поворот” был полезен, поскольку он переключил внимание философов с проблемы опыта на вопрос о лингвистическом поведении. Это изменение помогло сломать позиции эмпиризма – и, более широко, репрезентативистского подхода» [2, р. 15]. Таким образом, лингвистический «поворот» стал тем ключом, который позволил сменить подход к изучению мира, уделить большее внимание не только самому языку, но и субъекту, и напротив, отойти от изучения сугубо объективного мира. Иначе говоря, стало важно не только то, что мы видим в опыте, и даже не то, как сконструирован опыт, но уже то, как именно, при помощи какого инструментария опыт будет нами описан, интерпретирован и зафиксирован. Быть может, сегодня такое положение дел стало чем-то обыденным, однако рискнуть выдвинуть подобную концепцию ранее было весьма смелым шагом. И этот шаг позволил сформулировать новую модель восприятия культуры, где язык всегда играл особую роль, а после прихода лингвистического «поворота» и вовсе стал занимать центральное положение. Правда, порой язык заслонял собой основное содержание исследуемых проблем, что, конечно, добавляло определенных сложностей, но и их решение давало философской мысли новые интересные решения. Говоря о Р. Рорти, нельзя не заметить, что сама категория поворота оказалась столь удачной, что за лингвистическим «поворотом» последовал ряд других. В частности, современный исследователь Д. Бахманн-Медик в труде «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» выделяет семь «поворотов», произошедших в науке за последнее столетие, которые заключались в смене парадигм, фокуса научных интересов ученых и методологии исследований. Итак, она убеждена, что на данный момент можно говорить о произошедших интерпретативном, перформативном, рефлексивном, постколониальном, переводческом, пространственном, иконическом (пикториальном) «поворотах» [3, с. 17].

Говоря о современном мире и состоянии гуманитарных наук в нем, мы должны отметить переход от визуального «поворота» к цифровому. Причины визуального «поворота» во многом лежат в области ускорения темпов социальной жизни, усиления влияния медиа и рекламного дискурса, невозможности и нежелании полноценно осмыслить весь по-

ток информации, окружающий человека. В этом отношении наблюдение за визуальным образом – более щадящая процедура для человека. Происходит определенный разрыв между визуальным и вербальным в социальной реальности, эти два аспекта жизни становятся всё более параллельными, нежели взаимодополняющими друг друга. Как отмечает профессор Е. Н. Ищенко: «Этот разрыв, как нам представляется, связан, прежде всего, с трансформациями понимания субъекта и субъективности. По мнению М. Ямпольского, современный “кризис субъективности” приводит к тому, что субъект всё в меньшей степени понимается как “человек мыслящий” и в большей степени как “человек наблюдающий”. Это превращение субъекта в наблюдателя становится особенно очевидным в XX в., требующем от наблюдателя безостановочного синтеза рваного потока визуальных образов» [4, с. 23]. Несмотря на то что и на прежних этапах развития культуры визуальный элемент присутствовал в том или ином качестве, эпоху визуального «поворота» характеризует именно некое «засилие» визуальности в общественной жизни и искусстве. Это заметно, к примеру, в юморе, где на смену анекдотам приходят «мемы» как некий визуальный концентрат юмора. При этом изображение еще в большей степени, чем слово, способно автономизироваться от своего носителя, приобретая порой совершенно невообразимые интерпретации и реакции на них. В этом смысле показателен и трагичен пример тиракта 7 января 2015 г. в редакции журнала «Шарли Эбдо». Карикатура, быстро разошедшаяся по миру, даже без знания языка смогла возыметь мощный и, в данном случае, опасный эффект. Именно поэтому к визуальному следует относиться с особым вниманием, ибо смысл может быть интерпретирован вовсе не так, как того желал автор. Е. Н. Ищенко замечает: «Иконические знаки обретают самостоятельное существование, а их визуальная оболочка, как правило, не нуждается в вербальных пояснениях и манифестациях» [там же].

Особенность прихода цифрового «поворота» на смену визуальному состоит в следующем аспекте. Говоря о смене лингвистического «поворота» на визуальный, мы отмечали тот факт, что визуальный образ, как минимум, пытается вытеснить слово. Приход же цифрового «поворота» скорее дополняет визуальный, вбирая в себя достижения предыдущей парадигмы, тем самым усиливая ее эффект и наращивая собственную мощь. Визуальные образы активно внедряются в цифровую среду, заполняют ее и, сменяя друг друга, мультиплицируют появления новых образов. Многократная выросшая скорость коммуникации в рамках цифровой эпохи требует столь же быстрого осмысления и обработки поступающей информации, что угрожает возрастанием неточностей и ошибок в процессе познания. Цифровой «поворот» также несет в себе риски, связанные и с изучением культуры, и с созданием новых произведений искусства. При этом риски несут как авторы, чье произведение искусства будет рассматриваться множеством анонимным читателей, так и сами читатели, поскольку неизвестно, какое влияние на них окажет увиденное в цифровой среде, полученное в силу алгоритмов поиска. Особую роль приобре-

тает сама среда, где встречаются автор (через свое произведение) и читатель. Именно цифровой «поворот» как никакой прежде сближает друг с другом автора и читателя, наделяя каждого из них новыми аспектами. Кроме того, сама цифровая среда становится значимым актором, оказывающим непосредственное влияние как на сущность произведения искусства, так и на особенности его восприятия. Мало того: формируется новый вид искусства – цифровое искусство, которое существует только в цифровой форме. Безусловно, такого рода искусство требует особых способов познания, что придает новую жизнь Digital Humanities, которые формируют особую методологию познания цифровых произведений искусства и новые дискуссии о статусе такого искусства. К примеру, широко обсуждаемым феноменом являются музыкальные альбомы и картины, созданные нейросетями. Являются ли они подлинным творчеством и несут ли некие новые особые смыслы? Каковы критерии того, что есть подлинное творчество в новой, цифровой реальности? На эти вопросы лишь предстоит найти ответ, и вряд ли он будет однозначным. При этом роль и значимость цифрового «поворота» уже становятся всё более очевидными для представителей различных наук. В частности, о цифровом «повороте» в рамках исторических изысканий профессор Н. А. Полевой пишет следующим образом: «Полагаю, что несомненно растущий объем оцифровок исторических источников оказал на историческую науку примерно такое же влияние, как и открытие Гутенберга: способы историописания практически не поменялись, но вследствие изменения способа популяризации резко расширились возможности охвата аудитории. Реализация этих возможностей повлияла впоследствии косвенным образом и на постепенное изменение способов и приемов историописания» [5, с. 99]. И подобным образом чувствуют себя в рамках цифрового «поворота» представители большинства социально-гуманитарных наук. Открывшийся доступ к источникам, возможность коммуникации и дискуссии с коллегами, возросшая ответственность – всё это формирует новые социальные условия бытия науки и способы реализации себя в ней. Происходит очередная, новая трансформация как субъекта познания, так и его объекта. Мало того, они оба погружаются в сравнительно новую для себя среду, и фактически субъект учится по-новому взаимодействовать с объектом, учитывая влияние на них цифровой среды: методов отбора информации, степени ее доступности и достоверности, истинности и своевременности коммуникации и многого другого.

Говоря о новых «поворотах», во многом мы переходим в плоскость футурологии. Представляется, что следующий «поворот» будет связан с еще большим объединением цифровых технологий с самим человеком, что поставит перед нами новые вызовы, особенно в вопросах цифровой и биоэтики, а также антропологии. Однако это лишь предположение, отражающее призыв к дискуссии и подчеркивающее актуальность темы и принципиальную незавершенность «поворота» как категории социально-гуманитарных наук. Можно лишь отметить, что скорость смены одного «поворота» другим всё возрастает. Еще век назад мы вовсе ничего не

говорили и не осмысливали в контексте «поворотов», в современности же повороты не просто сменяют друг друга, а порой наслаиваются один на другой, порождая совершенно особые формы культуры. Ускорение, свойственное всей общественной жизни в целом, проявляет себя в смене «поворотов» в рамках эпистемологии, что, однако, к сожалению, зачастую затрудняет процесс познания культуры, приводит к смешиванию массовой и элитарной культуры, особенно в области новых форм искусства (например, киберискусстве), в отношении которых еще не выработаны установленные и общепринятые процедуры и критерии оценки.

Важно понимать, что категория поворота, хотя и является в первую очередь эпистемологической, отражает ситуацию в реальном мире. Мало того, «повороты» и, как следствие, смена эпистемологических парадигм оказывают значительное влияние на социальную реальность. Многочисленность и многовекторность поворотов в последние десятилетия, наложение одних поворотов на другие, их особенные переплетения отражают общую тенденцию к нестабильности, неустойчивости общества и его институтов.

Таким образом, пусть и не в первую очередь, такое изобилие эпистемологических матриц для познания культуры может стать для нас маркером прихода общества риска в область культуры, а то и вовсе – культурного кризиса, с которым могут быть связаны кризисы социальные в самом широком смысле этого слова. Состояние неопределенности, недоверия к имеющимся критериям и процедурам отсылает нас к категории риска, которая имеет основными своими характеристиками как неопределенность, так и наличие определенной опасности в будущем. Иначе говоря, мы никогда не говорим о риске в позитивном ключе, в таком случае чаще говорят о шансах или используют сходные категории. Парадокс ситуации в следующем: говоря о том, что неустойчивость, изменчивость эпистемологических парадигм чревата рисками, мы одновременно замечаем, что сам риск как категория исследован не вполне полно и подробно. Об этом с горьким сожалением пишет Н. Луман: «В результате нет такого понятия риска, которое могло бы отвечать научным притязаниям. Совершенно очевидно, что для каждой отрасли знания ее собственный теоретический контекст вполне достаточен, чтобы выдавать руководящие указания. Поэтому даже на уровне отдельных отраслей знания, а тем более в процессе совместной междисциплинарной работы порой возникают сомнения, известно ли вообще, о чем идет речь» [6, с. 137]. Затрудненность познания и строго категориального определения приводит к тому, что в обществе могут складываться кризисные ситуации или же в силу недостаточного познания нечто может называться «кризис» но не быть таковым. О кризисе культуры, справедливости, идеологии, идентичности и массы других феноменов и категорий написано много работ, однако весьма мало исследовано, что есть сам кризис с философских позиций.

Сами эти термины зачастую массивизируются, становятся столь привычными за счет их многократного использования медиа, что чело-

век перестает задумываться, что именно стоит за словом «кризис», как именно отделить его от «проблемы», «сложности», «негативной ситуации» и т. д. В этом мы также можем видеть влияние цифрового поворота. В сложившемся обилии информации субъекту (который также подвергся многочисленным трансформациям и изменениям, это уже вовсе не кантианский субъект) всё труднее заставить себя доходить до неких оснований категорий, понимать их смысл. Поэтому часто категории становятся некими «штампами», за которыми ничего не стоит. Как пишут В. П. Океанский и Ж. Л. Океанская: «“Культура” и “кризис” являются наиболее частотными и наименее продуманными словами в неомифологическом пространстве современности» [7]. Даже в этой короткой цитате мы видим, что слова «кризис» и «культура» соседствуют, когда мы говорим о неопределенности смысла.

Тем не менее, попытаюсь прояснить, почему именно с обилием поворотов так тесно переплетены кризисность и рискованность современного мира, мы должны дать определение кризиса. Итак, в самом общем смысле, кризис – это ситуация в системе, при которой разрушаются сложившиеся механизмы детерминации, что приводит к дисфункции имеющихся протоколов решения проблем, и потому такая ситуация способна угрожать самому существованию системы. При этом важно понимать, что разрушаются не только социальные связи, но и эпистемологические, – не случайно именно в кризисные эпохи столь популярными становятся лженаука и различные отрасли магии в самом широком смысле слова. Именно поэтому важно осознать взаимосвязь изменчивости мира и культуры, неустойчивости познавательных структур и разнообразия кризисов. Благодаря данному маркеру в будущем возможно найти пути решения кризисов не только в культуре, но и в экономике, политической и других сферах. Мало того, сам процесс перехода от поворота к повороту отражает в определенном смысле кризис предыдущего поворота, прошлой методологии. В противном случае вовсе не ясно, для каких целей отказываться от работающей и успешной методологии познания и решения задач. Следовательно, социальные кризисы и культурные повороты могут быть функционально взаимосвязаны.

По итогам статьи получены следующие выводы. «Поворот» как концепт социально-гуманитарного познания формировался в несколько этапов и был подготовлен предшествующей философской мыслью. Процесс перехода от визуального к цифровому «повороту» существенно отличается от смены лингвистического «поворота» визуальным. Усиление эффекта визуализации социального пространства и ускорение коммуникации открывают как новые перспективы, так и значительные риски, особенно в области творчества. Цифровой «поворот» при изучении культуры привел к появлению «новых форм существования искусства» [8, с. 130] и, как следствие, к развитию методологии изучения цифрового искусства, причем при таком изучении и субъект, и объект познания оказываются в рамках цифрового дискурса, во многом задающего параметры взаимодействия в нем.

При этом культурные повороты не существуют изолированно. Они оказывают значительное влияние на общественную жизнь и социальную реальность. В рамках статьи нами доказано, что обилие культурных поворотов и увеличение числа социальных кризисов в различных сферах могут быть рассмотрены в рамках единой картины. При этом сами кризисы являются сложными и многогранными феноменами, требующими системного изучения. В таком случае постоянно сменяющаяся эпистемологическая методология является маркером неустойчивости, неопределенности, которая связана с эпохой общества риска [9] и возможностью прихода кризисных явлений.

Литература

1. Goodman Nelson. Languages of Art / Nelson Goodman. – Hackett Publishing Company, 1976.
2. Rorty R. The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method / R. Rorty. – Chicago : University of Chicago Press, 1992. – 416 p.
3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М. : НЛЮ, 2006.
4. Ищенко Е. Н. Визуальный «поворот» в современной культуре : опыты философской рефлексии / Е. Н. Ищенко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2016. – № 2. – С. 16–27.
5. Полевой Н. А. Цифровой «поворот» – новая волна в серфинге исторической информатики по технологическому прогрессу / Н. А. Полевой // Историческая информатика. – 2019. – № 3. – С. 99–107.
6. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман. – URL: https://igiti.hse.ru/data/423/313/1234/5_2_2Luhm.pdf
7. Океанский В. П. Культура и кризис : сотериологические перспективы / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская // На пути к гражданскому обществу. – 2014. – № 2.
8. Алиханова В. Л. Массовизация произведения искусства в «эпоху цифры» / В. Л. Алиханова // Философская мысль. – 2022. – № 2. – С. 125–132.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс-Традиция, 2000 – 383 с.

Воронежский государственный университет

Гаршин Н. А., кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории философии и культуры

E-mail: garshnick@mail.ru

Алиханова В. Л., преподаватель кафедры истории философии и культуры

E-mail: alihanova.veronika@mail.ru

Voronezh State University

Garshin N. A., PHD, Lecturer of the History of Philosophy and Culture Department
E-mail: garshnick@mail.ru

Alikhanova V. L. Lecturer of the History of Philosophy and Culture Department
E-mail: alihanova.veronika@mail.ru